

Денис ШУЛЕПОВ

ИНДИГО

Денис Павлович Шулепов

Индиго

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6651403

Шулепов Д. Индиго: Наумов Л. А.; Чебоксары; 2007

ISBN 978-5-91141-018-6

Аннотация

Главный герой, Валентин, долго не мог понять – кто он в этой жизни, почему именно он избран карающей рукой, за что именно он должен мстить людям, которых совершенно не знает, что связывает его с крепостной девушкой девятнадцатого века и что делать с любовью, которая стала преградой в выполнении миссии?

Содержание

1	5
2	7
3	11
4	12
5	14
6	18
7	21
8	24
9	28
10	29
11	31
12	37
13	40
14	42
15	44
16	46
17	48
18	51
19	52
20	56
21	58
22	61
23	62

24	64
25	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Денис Шулепов

Индиго

Индиго – так называют детей нового поколения за особый, сине-фиолетовый цвет их ауры. Диапазон электромагнитных колебаний, исходящих от тел индиго, составляет от 3 222 000 до 11 350 000 Гц – втрое больше, чем у обычного человека. Коэффициент интеллекта у индиго равен 130. Оба полушария мозга у индиго работают одинаково, при этом они используют не 3–4 процента его возможностей, а в 3 раза больше.

«Совершенно секретно», № 7 (206) Июль, 2006.

1

Из дневника:

Когда-нибудь замечали у людей свечение? Внутреннее. Таких людей немного, но их видно сразу. И видят их только такие же – со свечением. В толпе, транспорте, метро их можно увидеть, но реже – не та атмосфера. Должно быть что-то более приватное. К примеру, на заводе, в бригаде из 10 человек, или в компании, куда только что влился. Рыбак рыбака видит издалека. Это свойственно всем. И не только людям. Люди со свечением обычно держатся особняком от общей массы. Они задумчивы. Их зачастую уни-

жает та среда, в которой они живут... Вернее – пытаются жить. В них присутствует внутренний стержень одухотворенности (если так можно выразиться). Они стоят на планку выше вынужденного круга общения. И они знают об этом, знают, но понимают, что, показав себя, им грозит натолкнуться минимум – на непонимание, максимум – на ненависть и вражду.

Выскачок не любят.

2

– Что ж вы делаете, мерзавцы? – не выдержал он кощунственного зрелища. Сегодня Валентин увидел собаку, и ему открылась истина, которой он мог поделиться разве что с дневником. – Это ведь Храм Господень!

До встречи с собакой Валентин был убежденным атеистом и обходил церкви, церковные лавки и всё, что связано с крестом, стороной. Но сегодня он должен был прийти... И пришёл. Ниоткуда взявшийся трепет разволновал впечатлительного юношу; он ступил за ворота, на территорию святой земли, и встал, как сорняк, пустивший корни. Валентин понял, что никакая сила всех миров не сдвинет его с места в сторону парадного входа.

Человеки шли и уходили, крестились и кланялись, плакали и улыбались, а он стоял, чувствуя себя чужим для люда, просящего Его услышать их. Чужой людям, Валентин чувствовал, как близок к Богу, которого ещё вчера отрицал. Отрицал не потому, что в детстве внушили, а потому что до детства этот Бог предал его, когда больше всего был нужен.

Придя сюда, Валентин сделал больше, чем просто себя заставил. И силком двигать ноги внутрь Храма не собирался. Всею своё время.

Он посмотрел окрест и увидел тех подростков. Мальчишка и девчонка, стоят у подножья церкви и целуются... нет

– *сосутся*. Будь Валентин чуть ближе, непременно бы услышал слюнявые причмокивания. Его передёрнуло. Он не знаком с канонами православия, но *видел*, что эти двое делают плохо.

На выкрик парочка недоуменно воззрилась на худосочного парня с всклокоченными волосами, в потёртых джинсах, спортивного кроя пиджаке и кедах.

– Занимайтесь своей похабщиной дома, а не на святой земле! – крикнул им Валентин, ожидая хульного отпора.

Но молодые – не вконец остервеневшие – взяли за руки, и пошли вокруг церкви.

Валентин не поверил голубкам, и желание удостовериться в своей правоте сдвинуло его с места. Коленные чашечки хрустнули, и он на ногах-ходулях – так они успели окостенеть от боязни двинуться ещё хоть на сантиметр ближе к Храму – засеменял вокруг церкви, но с другой стороны. Как и предполагал, любвеобильная парочка продолжила похабство, едва завернув за угол и скрывшись от него...

«тщедушного потроха»,

«чокнутого придурка».

Обидные словосочетания неоновой вспышкой сверкнули в мозгу Валентина. Ярость, которую Валентин с детства принял в себе, как дань прошлого, вспыхнула в глазах. Но машина Божьей обители, что нависла над ним, придавила тенью демонского прихвостня в Валентиновых глазах. Он, как и прежде бывало, не замечая того, растянул губы в безжа-

лостном оскале.

И поспешил уйти с территории церкви.

Ждать пришлось долго. Но Валентин привык ждать. Он стоял через улицу, поглядывая на часы и по сторонам. В одной руке сигарета, вторая рука в кармане сжимает длинную рукоятку выкидного ножа. Ладонь вспотела. Валентин боролся с сильным зудом, чтобы не нажать на «собачку» и не пропороть острым лезвием карман старых и любимых джинсов.

Дождался.

Чёрно-патлатый парень в красной рубашке с алыми цветами (что за мода!) и девушка в ярко-бирюзовой блузке (с такими модными рюшками) вышли за ворота и не то что не перекрестились, как полагается, – не оглянулись даже! Словно в развлекательном центре побывали. Но девушка не виновата, Валентин это знал. Виновник – самодовольный хлыщ, что с ней. Все мужики такие, им бы только совратить и сбить слабый пол с пути истинного. Поматросить да бросить.

Патлатый хлыщ получит по заслугам!

Парочка шла к метро. Валентин следом, не приближаясь, но и не теряя из виду.

Парень с девушкой скрылись за стеклянными дверями подземки. Валентин тоже поспешил толкнуть дверь с «замечательной» рекламной наклейкой-вопросом: «Диарея?»

Он вытащил руку из кармана, продолжая сжимать любимую рукоятку. Ладонь уже не влажная. Волнение перед Воз-

мездием исчезло. Как всегда.

Он побежал по движущейся эскалаторной лестнице, притормозил возле патлатого на миг... и, ускоренно семеня ногами, спустился вниз, влетел в подвернувшийся вагон поезда и был таков. Доехал до «Кольцевой», сделал пару пересадок и вышел на «Автозаводской». Здесь был «Новый книжный», сюда-то ему и надо.

3

Сегодня у неё закончились краски. Регулы раздражали. Она их терпеть не могла! А кто мог? Постоянное ощущение грязности, множество всяких «нельзя» и запретов, и с милым сердцу Кузьмой не поворкуешь вечерком: брезгливость какая-то от его прикосновений...

Но сегодня всё! Солнышко улыбается с самого утра, тёплый ветер колышет ржаную ниву. Отец с собаками, Мотей и Крошей, ушёл в лес – барин разрешил охотиться. Знать бы, с чего такая милость? И они с матерью пойдут по ягоды. Малины сейчас на опушке да земляники у-ух сколько! А к вечеру на пироги и Кузьма придёт. Уж она его теперича приголубит, нынча можно.

Но наперед на речку надо: стирать-полоскать, мамке помогать. А то ведь проспала сегодня, а мамка пожалела будить.

И полетела девонька в воздушном сарафане, размахивая белокурой косой, замкнутой алой лентой, и босиком под гору к речушке, к плоту, к мамке. Весело, озорно!

– Ах, чего ты так несёшься, Валь! – всплеснула руками мать.

4

– Валь! Валентин!

Валентин очнулся и резко захлопнул Библию. Оглянулся. Это был сварщик с ненавистной стройки, заядлый книгоман и любитель Тополя, Незнанского и Бушкова.

– Ты чего здесь? И с бестселлером всех времён и народов?! – спросил удивлённый сварщик.

– А ты чего? – буркнул Валентин, ставя томик на место.

– Да я-то ищу себе пищу для ума.

– Тем ширпотребом, что ты себя пичкаешь, сыт не будешь.

– Иди ты! Соевая колбаса – тоже жрачка.

– Только ученые сами не знают, чем соя окажется вредна впоследствии.

– Ай! – отмахнулся коллега. – Зануда ты, Валь. Когда на работу-то выйдешь?

– В понедельник... на приём. Во вторник закроют больничный.

– Ага. Бывай! – Сварщик отсалютовал и пофланировал к полкам любимого читива.

Валентин не удосужился прощанием, пошёл к выходу. Он забыл, что сейчас час пик и все срываются с рабочих мест, едва минутная стрелка переваливает семнадцатичасовой рубеж. Ему претило встретить кого-то ещё из своих. И чего он

приперся именно на «Автозаводскую»? Вот она – привычка, нажитая годами: с утра на эту гребаную стройку, вечером – с неё. Да и нож от крови надобно промыть...

Он жил в «Метрогородке». Выйдя из метро, зашёл в «Перекресток», купил арбуз на 67 рублей и по трамвайным путям вдоль Открытого шоссе – домой.

Дома располовинил арбуз тщательно вымытым любимым выкидным ножом, взял ложку, выковырял сочный кусок и отправил в рот. В последнее время Валентину нравилось писать в дневнике, поедая именно таким образом большую зелёную ягоду.

Из дневника:

Я шёл по дороге, спешил по своим делам, когда увидел бредущего навстречу унылого пса. Почти сравнявшись со мной, пёс вдруг вскинул голову и посмотрел своими печальными карими глазами в карие мои.

Мы разминулись. Я, подгоняемый толпой людской, ушёл далеко вперед. И шёл, пока в мозгу не сформировалась одна безумная мысль, срочно требующая иллюстрированного подтверждения. Наконец, я добрался до книжного магазина, выудил со стеллажа энциклопедию о животных и внимательно просмотрел каждый снимок. Моя безумная мысль подтвердилась! Но осталась безумной.

Она напрочь в моём сознании опровергла теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны или какого бы то ни было другого живого существа планеты, с человеческим названием – Земля. Я ощутил себя чужим, ощутил, что вся человеческая раса лишь разумный (чересчур) суррогат живой сущности Земли, взявший за основу своего физиологического существования в условиях планеты белковую форму матери, оставшись при этом с мышлением, чуждым мышлению разумных существ Земли.

Эволюция проходила долгие миллиарды лет, фауна видоизменялась. Но неизменными оставались ГЛАЗА! Посмотр-

рите в глаза любого животного, что вы в них увидите? А, вернее, чего вы не увидите? Вы не увидите белков глаз. Даже у шимпанзе зрачок обрамлён широкой радужной оболочкой, где нет места для белка.

Только человек имеет такую, с позволения сказать, узкую радужную оболочку. Почему?

Почему у человека, эволюционированного от обезьяны, в отличие от других животных, произошла такая резкая метаморфоза глаз? Неужто этому поспособствовал его незаурядный ум-разум? Вряд ли. Эволюция разума была нескорой.

Обезьяна схватилась за палку. А хваталась ли она за неё? Кто присутствовал при этом грандиозном историческом факте? Факте ли?

Допустим, обезьяна схватилась за палку. Эволюционный скачок. И что, с этого момента глаза первочеловека стали меняться? Он научился добывать огонь – радужная оболочка сузилась от яркости огня? Он придумал колесо – оболочка уменьшилась от осознания человеком своей гениальности? Чушь...

Я заскользил взглядом по корешкам книг и остановился на религии. Подошёл, взял Библию, отыскал, что хотел. Бытие 1.26.: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему». 1.27.: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божью сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». И я подумал, если истинно так, и Бог создал людей по образу и подобию Своему, то спра-

ведливо предположить, что образ – тело, а подобие, соответственно, душа. Ну, тело, как тело – устраивает, жаль только, что мозг функционирует лишь на 10 % (или сколько там высчитали учёные?), а вот с душой не понятно. Бог?

Мой взгляд натывается на стеллаж с фантастикой. Безумная мысль обретает новую форму. Флора и фауна нашей (а нашей ли?) планеты испокон веков живёт по своим законам, не нарушающим естественный ход своего развития. С появлением человека всё меняется: он начинает творить во благо себе. Разводит огонь и с его помощью добывать пищу; приручает животных и делает из них рабов, паших землю, возящих их на своих горбах, охраняющих человеческий быт и досуг; копать в недрах планеты, извлекая из неё полезные для себя ископаемые; вырубать леса, изменять русла рек, высушивать болота, меняя тем самым естественный микроклимат; изготавливать оружие, истребляя им целые виды животных. Придумав себе материальные ценности, бартер, деньги, улучшая условия своей жизни, понастроив ТЭЦ, ГЭС, АЭС, заводы и фабрики; изобретая яды, химикаты, спирт, бензин и асфальт, не думая об экологии, – можно ли назвать человека после всего этого коренным жителем планеты?

Человек приучил пса быть верным другом. А пёс потерялся в мире, созданном человеком. Созданном для своего удовольствия...

Некий Разум заслал на планету, названную впоследствии

Землей, существо – человека, изначально младенца по мышлению, но с неуклонным его развитием до уровня Некогого Разума. Это разум хаоса, а хаос – это сущность Вселенной. Сущность рождения, динамичного развития и уничтожения.

Мы переживаем динамичное развитие. И дай то Бог, в которого я теперь верю, чтобы, когда придёт время уничтожения, человек придумал, наконец, межгалактический корабль и смылся с выстрадавшего лица бедной планеты до того, как уничтожит на ней всё живое...

P.S. Чёрно-патлатый хлыщ в гейской рубаше не должен дожидать до утра. Раз я прочёл его мысли, значит, он плохой. И мог стать ещё хуже.

P.S.S. Почему Сын Господа не брился? Интересно.

6

Золотые рыбки в круглом аквариуме торчат у кромки воды и с шумом заглатывают ртами воздух. Валентин наблюдал за ними. Он не мог разумать, почему рыбкам не хватает воздуха. Недавно он запустил новую, вторую, трубку, но увеличение числа пузырьков не повлияло на желание глупых рыб не заглатывать воздух. Звучно! Валентина раздражал этот чвакающий звук. Но заставить себя убить рыб сил не хватало. Может, не сейчас... потом... Например, прекратить их кормить и не чистить воду.

Валентин вспомнил молодого пса на цепи со стройки, жрущего свои экскременты. Он посмотрел на золотых рыбок, двух жирных и неповоротливых кляч, и его всего передернуло от отвращения возникшей взаимосвязи золота и дерьма. «Ах ты, моё золото, с дерьмом перемолото», – говорил Валентинов сосед Толик, алкаш, женатый на алкашке (ей-то и адресовалось «нежное» обращение). Из жалости Валентин хотел убить бедного пса, но мешал сторож. Тогда Валентин вознегодовал, почему сторож не кормит собаку? Чтобы вывеска «ОСТОРОЖНО, ЗЛАЯ СОБАКА» соответствовала истине, вот почему.

Валентин убил сторожа недалеко от остановки автобуса, за плотными рядами гаражей-«ракушек» у полусгнившего «стога» опавших листьев... И ограбил. На ту небольшую

сумму он купил цепному псу мяса.

Он никогда не возвращался на те места, где убивал. И гнал от себя безумную мысль: где он будет ходить, когда таких мест станет очень много? Всё равно, что думать о том, что когда-то умрёшь и при этом обливаться холодным потом неизбежности.

Кроме того, он же не только *он*.

Валентин улыбнулся возникшей мысли и оторвался от созерцания золотых рыбок в круглом аквариуме. Поставил дневник на полку. Отнёс корку объединенной половины арбуза в мусорное ведро. Вымыл ложку. И взял в руки косметичку.

«Он же не только он».

Спустя сорок минут на Валентина из зеркала смотрело отражение очаровательной девушки. Они улыбнулись друг другу.

Если бы кто-то посмел его в таком виде назвать трансвеститом или «педиком», что ещё хуже, Валентин, не задумываясь, убил бы этого человека. Люди не знали о Связи, но это их не оправдывало. Валентин бы убил даже девушку, пусть и защищал слабый пол постоянно.

Образом прелестницы-простушки Валентин был доволен. Такой податливой и кроткой. И она возбуждала его внутренним знанием

знанием-силой

внешней обманчивости. Овечка с пастью волчьей.

Но Рио не для сегодняшнего вечера. К сожалению.

Сожалеть – не значит огорчаться. Валентин пошёл в ванную, где принял горячий душ, смыв макияж, а вместе с ним и образ девы.

Пироги удались на славу. У горячей печи жарко; Валя ополоснула лицо колодезной водой из кадлушки и лучисто засмеялась, когда капельки пота щекотно растворились в холодной воде. Её смех отразился на лицах родителей ласковыми улыбками. Отец был сегодня особенно доволен: он подстрелил трёх зайцев, за которых – спасибо барину! – не нужно никому платить. Почаще бы такие милости!

И не задаваться вопросом – с чего они, эти милости.

Вскоре пришёл Кузьма. И Валя крутилась подле него, яко юла-непоседа: то бусы рябиновые завязать на шее попросит, то прибаутку скажет. А Кузьме льстит, но в почёте он в семье Валькиной своей сдержанностью и рассудительностью, потому не даёт волю рукам да словам праздным. Отчего и желаннее становятся мгновения те, когда одни они с любимушкой.

Валя души в женихе не чаёт: такой большой и сильный, грозный и буйноголовый, а с нею – кроткий и мягкий, нежный и ласковый. Просто чудеса какие!

Ну вот и стол готов: пироги с малиной да земляникой, да со щавелем, мёд душистый, молоко парное, квас, чай в самоваре.

– Как обед княжий! – молвил Кузьма, увидев большой стол.

– Когда же сватов пришлѐшь? – отозвалась мать, поправляя сбившийся нагрудник.

Отец, Лаврентий его звали, ухмыльнулся в бороду, а Потап, младший Валькин брат, развеселился, глядя на него. И старка засмеялась с дедом. Весело всем стало. А Кузьма серьёзно:

– Так вот, на Кузьмодемьянки, думаем мы, Валюша и станет хозяйкой.

Смутился молодой кузнец от своих слов и на непросватанную невесту смотрит. А Валя закрутила косу длинную вокруг шеи и хихикает в неё, ждёт, как женишок будущий выкрутится дальше, что отец да мать скажут. Хихикает, а у самой сердечко бьётся-волнуется.

Глава семьи сам был мужиком серьёзным и ответственным, любил семью. И Кузьма казался старому охотнику-зверолову (и умелому бортнику) парнем, подходящим для Валюши, кузнецов ценили, а добрый нрав богатыря ценился пуще.

– Ну, так тому и быть! – объявил отец и пригласил всех за стол.

... Когда сверчки застрекотали, чуя вечернюю прохладу, Кузьма под руку с Валею пошли сквозь отцовскую пасеку, устроенную в бортях, к речке. Здесь на песке они любили сидеть, беседовать неспешно, а чаще молча слушать природу-матушку. Вот берёза листьями шуршит. Вон рыба в воде хвостом плещет. Где-то в лесу, что прямо за речкой,

сук под лапой зверя хрустнул. В деревне петух прокукарекал, ему вторил другой, третий. Слышно, пёс дворовый брехнул. Кто-то топором вдалеке орудует, а дятел передразнивает-стучит. Полна мирных звуков тишь деревенская, любо молодым слушать её да друг дружкой втихомолку любоваться. Но больше всего любили Кузьма с Валеё песчаные замки строить у воды, просачивая мокрый песок сквозь пальцы. И в этот раз дивный дворец у них получился. Загляденьё! Глядя на него, Кузьма сказал:

– Мы тоже дом отстроим!

8

Стройку Валентин не любил, а Москва строилась, обрас-тая всё больше высотками, тесня «хрущобы» и дома про-шлых веков. Ультрамодные дизайны из металла и стекла за-меняли добротный и тёплый кирпич. Валентин любил ста-рину и часто ездил по столице с фотоаппаратом, фиксируя на плёнку старинные дома и постройки. Теперь же Валенти-на переполняла радость от осознания, что к своей коллекции фотографий он смело может приплюсовать множество церк-вей, часовен и монастырей: отныне крест не вызывал в нём неприязни культа Бородатого Плотника.

Он взял свой полупрофессиональный «Никон» и вышел в вечер.

На «Новослободской» Валентин из подземки поднялся наверх и двинулся по Долгоруковской к часовне готического вида, что принадлежит «Союзмультфильму». Он давно её за-приметил, но смотреть на здание через объектив до сего мо-мента не мог себя заставить. Сегодня же он даст себе волю! Валентину нравился потрепанный вид заброшенной башни.

Два ворона, две благородные и гордые птицы, так непо-хожие на своих сородичей – подлых и хитрых серых ворон, взялись откуда-то над самым верхом, кружа у разбитых окон. Валентин не упустил момент. Заходящее солнце протубе-ранцами освещало в бордовый с плавным переходом в розо-

вый цвет перистые облака, придавая этюду мистический вид. Валентин едва не визжал от восторга.

В приподнятом духе он поехал домой. Но в переходе метро на кольцевой его хорошее настроение растворилось, как радуга при солнечных лучах. Такое сравнение подходило идеально, потому как Валентин получил *удар*. Нет, никто его не стал бить и отнимать фотоаппарат, удар был иного плана... Как импульс или разряд тока в бок. Валентин резко обернулся, но ничего не заметил. На него пялилась своим мутным глазом лишь видеокамера, но теленаблюдение никогда ничего подобного не вызывало, тем более боль. Мимо шли люди, чертыхаясь и огибая его. Валентин потёр бок и пошёл дальше, недоумевая. Ступил на эскалатор, посмотрел наверх и увидел. Женщина, лет за пятьдесят, стояла на ступеньке соседнего подъёмника чуть выше него, оперев кукиш в спину мужчины. «*Что за магия?*» — спросил Валентин себя и ответил себе. — «*Чёрная*». Он смотрел на женщину, соображая, что делать... И она оглянулась. Их взгляды пересеклись, женщина вздрогнула, в глазах возник испуг, она растопырила пальцы, только что сложенные в шиш, и в следующий миг побежала вверх по лестнице эскалатора. Валентин последовал её примеру, он хотел догнать ведьму, не задумываясь — зачем. Может, убить?

Валентин молод и проворен, быстро догнал женщину.

— Пусти меня! — зашипела ведьма. — Сейчас хай подниму, менты набегут!

– Ты меня мусором не пугай, ведьма, – ответил Валентин. – За что демонов на людей насылаешь? Меня задела! – Он подтолкнул её к телефонным будкам. Та не сопротивлялась.

– Кто ты?! Что ты умеешь видеть? – спросила она.

– Не твоего ума дело, баба! – отрезал Валентин и выхватил её сумку, проворно открыв и сунув в неё руку.

– Ты что делаешь, скотина! Отдай!

На выкрик ведьмы не отреагировал никто, несколько беглых взглядов скользнули, не отпечатываясь в сознании прохожих.

Валентин достал паспорт и, одной рукой удерживая женщину на расстоянии, раскрыл, посмотрел.

– Теперь я знаю твой адрес, – сказал он ведьме. – Я приду за тобой.

– Я прокляну тебя и весь твой род! – закричала ведьма, выхватывая паспорт и сверля яростными глазами молодца.

– С этим ты опоздала. Жди меня, готовься к аду.

– Чтоб ты сдох!

– Я кавалер: дамы вперед, – сказал Валентин и рассмеялся ей в лицо.

Та завизжала от бессильного гнева.

– Ты меня не найдёшь!

– Ты собралась стать бомжом?

Этот вопрос остался открытым, так как женщина сломя голову бежала на выход к трём вокзалам. Валентин спокой-

но отправился дальше домой. Его настроение слегка поднялось от маленькой победы, он ещё не знал, выполнит ли свою угрозу. Ощущать себя вершителем ведьминой судьбы оказалось приятно и приближало Валентина в его представлении к Богу суровому, но справедливому.

Валентин приехал домой, когда ножницы часов отстригли из его жизни очередные двадцать четыре часа из суток. Но спать он не ложился. Встреча с ведьмой неожиданно впрыснула в кровь адреналин, какой не возникал даже после убийств. Он вставил в ди-ви-ди диск с коллекцией фильмов с Джонни Деппом и выбрал из списка «Девятые врата». Принёс вторую половину арбуза и, вооружившись ложкой, взялся за просмотр.

9

Из дневника:

А кто сказал, что Люцифер был мужчиной?

Почему люди снимают фильмы о пришествии дьявола, а не явлении Христа?

Почему людям нравится смотреть ужасы и со скепсисом воспринимать чудеса? Даже шедевр Мела Гибсона «Страсти Христовы» – УЖАС, вызывающий жалость, а не БЛАГОДАРНОСТЬ за искупление людских грехов!

И Папа Римский одобрил этот фильм...

Католики...

– Помоги, Боженька! Завтра у барина генеральная уборка начинается, к именинам Ивана Демьяныча, – тоскливо вспомнила Валентина о работе.

Она числилась крепостной девкой в усадьбе, что от деревни находилась в двух верстах пешим ходом, если идти через кладбище. Работа не особо хлопотная и очень бы даже нравилась, если бы не молодой барин Иван Демьяныч, блуд, охотливый до женских юбок. Но Кузьме Валя о том не говорила, опасаясь, как бы кузнец чего лихо не натворил от ревности. Старый барин Демьян Евсеевич на расправу быстр: высечет кнутом да в кандалы и на каторгу, и никакая удаль молодецкая Кузьме не поможет. На кого же она останется? У них с Кузьмой всё не как у людей: не признавал богатырь посиделочных правил. По имени-отчеству не называл, на «вы» не обращался, комплиментов не сыпал, а уж про шутки сальные и вовсе не вспоминалось. Однако ж были они парой в деревне известной и завидной, никто поперёк плохого не говорил, никто не нарывался на пудовые кулачищи мастера Кузьмы.

– И у меня работы невпроворот... Слушай, Валюша, а давай после именин к барину на поклон пойдём, пусть добро нам даст на свадьбу-то?! После праздников он добрый, верно, будет, не заартачится.

– Ишь ты какой! – рассмеялась девушка, и сама радуясь в душе.

– А что? Заранее и сердечко на покое будет! – жарко настаивал Кузьма. – Давай, ходим. Ради дела такого и шапку сломить не жаль!

Согласилась Валя, хоть и поломалась для виду. Так и так к барину придётся топать – не будет батюшка венчать без соизволения его, они с барином одним миром мазаны. Не зря ведь церковный надел крестьянами за бесплатно каждый год обрабатывается.

Кузьма доволен остался. Влюбленные поднялись с песка. Парень обнял подругу, Валюша казалась хрупкой берёзкой в объятиях скалы, она наклонилась-подалась к любимому и они поцеловались.

Вторник, первый рабочий день после больничного, прошёл в обычной тупой работе. Какое начальство, такова и работа. С утра мастер дал задание бригаде, в которой работал Валентин, подвинуть ограду стройки на три метра, в ущерб проезжей части. Легко сказать! Да только блоки те железобетонные, меж которых крепились трубы-столбы, краном не зацепишь: троллеи мешают. И ковыряла бригада в поте и крови восемь блоков ломками... Делу время, а к трём часам дня одолели-таки мужики через мат-перемат те три метра, установили забор. Сели на перекур, но сигаретку докурить не успели, как явился Прораб Ясно Солнышко. Взял он рулетку, померил с умным видом оставшуюся проезжую часть, посмотрел на троллеи и сказал:

– Молодцы, мужики! Только теперь надо всё это дело на метр назад подвинуть. Троллейбусы пока не ходят, но вдруг пустят. «Мосгортранс» нас не поймёт.

Что тут с мужиками началось! Словоблудию такому сам Венедикт Ерофеев позавидовал бы. Ох уж они и чихвостили мастера с прорабом за вечную несогласованность и некомпетентность. Валентин бросил в сердцах кувалду (в его руках, похожих на ручки рахита второй стадии, она казалась нелепой и неуместной) оземь, махнул рукой и пошёл в бытовку переодеваться. Плевать он хотел на этот зоопарк! В очеред-

ной раз он подавил в себе желание написать заявление на увольнение. Жили бы мать с отцом – не медлил бы...

Он ушёл с работы, но не домой, а к Москве-реке. Вода, как небо, успокаивает расшатанные нервы. А Валентину нервничать было ни к чему. Все ищут смысл жизни, а он – счастливчик, сызмальства знал, зачем родился и что нужно делать, чтоб жизнь не потеряла смысл, даже находясь в глубоком котловане, в социальном низу, в грязи.

Валентин шёл, вспоминая родителей, детство. И большинство воспоминаний были рассказами матери. Она много говорила об отце, которого Валентин помнил смутно. Отец был участником ликвидации Чернобыльской АЭС и умер в девяносто втором, спустя семь лет, оставив вдовой жену и сиротой пятилетнего сына. Мать рассказывала, что после облучения здоровье отца резко улучшилось, а либидо и вовсе зашкаливало. Он был просто сексуальным монстром, не давая покоя ни себе ни матери. И на заре той необъяснимой активности родители зачали ребёнка. В Новый 1987 год Валентин явился на свет семимесячным (повзрослев, Валентин не давал спуску никому, кто неосторожно называл его недоноском). Здоровье же отца оказалось параболой американской горки: резкий взлет, секундная зависка и мощное резкое падение. В последний год жизни он сторел, как свеча...

Мать... Она работала фасовщицей в химическом цехе завода до последнего своего вдоха. Да, именно так и было. До последнего ядовитого вдоха. Она не рассказывала сыну

о «вредности» её профессии, всё он узнал поздно, уже после смерти, от одной из её коллег, чахоточной старухи. Мать убил «Богомол», препарат по борьбе с насекомыми с истекшим сроком годности. И, несмотря на то, что по лабораторным показателям препарат оставался годен к использованию, не потеряв своих убийственных свойств, ни одна страна мира не согласилась на его переупаковку. Ни одна страна, кроме России! Директор завода позарился на дешёвизну дорогого препарата и скупил всю многотонную партию, заботясь о своём обогащении, а не о здоровье своих рабочих. Он даже не побеспокоился о приобретении копеечных респираторов-«лепестков», и бедные женщины вдыхали ядовитую пыль, туманом висящую в цехе ручной упаковки, страдая от аллергии и отравления лёгких. И молча плача... Та чахоточная сказала, что мать убил препарат, но Валентину не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы знать истинного виновника смерти матери. Валентин узнал кое-что об этом директоре, оставалось дожидаться праздника Дня города.

Пить Валентин не очень любил, но сейчас выпить захотелось. Он поднялся от берега реки в город, зашёл в первый попавшийся продуктовый магазинчик и купил крепкого пива. Первую бутылку осушил залпом – пока не начал пить, не думал, что его так мучает жажда. По жилам к ногам пролилось тепло, стало хорошо. Валентин глупо хихикнул в кулак и пружинистой походкой вошёл в один из дворов, где блаженной тушей развалился на скамейке. Откупорил вто-

рую бутылку, отпил маленький глоток и запрокинул голову к небу. Предвечернюю голубую высь то и дело рассекали галдящие стрижи. Валентин вновь окунулся в воспоминания. И вспоминалось то мутное, что помнилось об отце. Хорошего почему-то было мало.

Может, хорошего и не было вовсе?

Парню не хотелось напрягать память в поисках позитивных воспоминаний, потому перед глазами всплывали те сцены, которые были отчетливы, как фотографии. Как однажды весной он пришёл домой после веселой регаты на ручьях в сапогах, полных воды, попав под горячую пьяную руку отца... Потом отец извинялся, говорил, что вспылил (он всегда извинялся за вспыльчивость), но боль и обида не исчезали, как пыль с мебели после влажной уборки. Ярким снимком осталась в альбоме воспоминаний Валентина картинка того наказания: отец приподнял его над полом верх ногами, резким рывком сдирая штаны, и лупил грязной тапкой по ягодицам и ногам, не слыша молений о прощении. Отец отпустил сына только когда устали руки. Валентин ничего не сказал маме. Как всегда...

Вспомнился и другой случай, когда к ним приезжали родственники с трёхгодовалым сыночком. Пили, веселились, а когда пришло время гулять, отец был пьян и никуда не пошёл. На его попечение оставили спящего трёхлетку и Валентина. Отец увалился в спальне рядом с чужим дитём, а Валентин нашёл себе занятие в катании шариков от подшипни-

ка по пазам половиц. И до того увлёкся, что не заметил, как в зал влетел разъярённый отец с ревущим чужим сыночком на руках и, не думая, влепил сколько было сил подзатыльник сыну родному. Он что-то ещё орал, тыча пальцем то на него, то на ревущего трёхлетку. Но Валентин не слышал, оглушённый от удара, он просто тупо смотрел на бесившегося отца, не понимая, почему для него важнее сон чужого ребёнка, а не интересы сына. Откуда пятилетний Валентин мог знать, что невинное катание шариков по полу будет так слышно в спальне и разбудит трёхлетку? Но Валентин был благодарен отцу за этот расшибающий мозги подзатыльник: что-то он в нём сдвинул... или ускорил процесс? Кто знает. Тогда Валентин впервые *увидел*, глядел на отца и успокаивался, не давая прорваться слезам. Успокаивался от осознания, что отец скоро умрёт и не будет больше его бить. *«Пусть пьёт. Это его и убьёт»*, – подумал тогда он. Отца не было жалко. Жалко было мать. Она тянула свою лямку, вытягивая жилы и губя себя вредной работой. На уговоры Валентина уйти оттуда мать отвечала:

– Вот встанешь на ноги, сынок, будешь зарабатывать, тогда и брошу эту каторгу. А пока... куда ж я пойду, кто меня возьмёт без образования? Дворником я не потяну, здоровья не хватит.

Так и проработала до смерти, не дождавшись восемнадцатилетия любимого сына.

Вот уж год, как её нет...

Валентин потряс захмелевшей головой и отставил недопитую бутылку в сторону. Некоторое время последил за ребятами во дворе, потом встал и пошёл к метро.

Из дневника:

Вы верите, что у некоторых людей присутствует на лице отпечаток смерти? Возможно, верите. А я вижу эти отпечатки (иногда сам выступаю в качестве лика смерти, потому что вижу некоторых, и эти некоторые – плохие). Это моя мёртвая зона, тёмная половина. У всех есть такие зоны и половины. Тёмные нафталиновые тайники души (кто-то думает, что они светлые и благоухающие – наивные!). Не зря ведь говорят: душа – потёмки. Король ужасов Стив в курсе этих тонкостей, он чертовски пронырливый психолог. Фатальная обреченность, даже если человек весел и его лицо растянuto в улыбке? Взглянув на такого человека, невольно захватывает внезапная мысль о смерти. И жар пробегает волной от корней волос до кончиков пальцев ног от осознания того, как мало нам отпущено и что все мы смертны.

Прах к праху.

И тут всё зависит от настроения, в котором ты был прежде, чем попал под влияние этой мысли. Если оно позитивное – хочется быстрее что-то делать, успеть, создать, чтобы о тебе осталось не простое воспоминание, умершее вслед за тобой через поколение, а посчастливится – два. Хочется оставить СЛЕД. А если же пребываешь

в негативе – то мысль о смерти захлестывает волной, заставляя думать о тщетности существования и – что хуже всего – о нежелании расставаться с этим миром, боясь, что с физической смертью ты исчезнешь СОВСЕМ.

А кто может рассказать достоверно, что нас ждёт после смерти?

Рай? Ад? Астрал? Ничто?

Что такое человеческая душа?

Трёхдневный зародыш ребёнка – он живой. В нём есть душа? Мой разум подсказывает – нет. Девятимесячный ребёнок пред самым рождением. В нём уже есть душа? Или она вселяется с первым вздохом?

Если душа бессмертна, почему она, вселяясь в новорожденного, утрачивает знания, накопленные веками? Почему она не помнит, что с ней было до этого нового рождения? Что такое на самом деле «дежа вю»? Почему эти знания не выходят из глубины памяти души к моменту или в процессе формирования мозга? Человеческий мозг ограничен восприятием трёхмерного пространства. Он пасует перед мыслью о бесконечности Вселенной. Почему?

Неужели жизнь на Земле всего лишь испытание души, возможность роста души путём преодоления трудностей?
?

Моя мама чуть не умерла при родах. Она родила мёртвого младенца. Меня. Как это объяснить? Почему моя душа не сразу вошла в моё тело?

Или спрошу иначе.

Почему моя душа вошла в моё тело? Младенец мог остаться мёртвым, если бы не вмешательство врачей. Они вдохнули жизнь в кусок мяса (грубо). Моя умная душа ждала этого момента?

И почему моя душа помнит о ней, о той девчушке?

Почему я вижу больше остальных?

И ещё вопрос в дебри.

Почему моя душа выбрала этого младенца? Потому что была ближе остальных душ? Или, как сказано в одной брошюре, она специально выбрала данную судьбу, предварительно составив её тернистый сценарий, дав возможность мне теперешнему достойно сыграть роль или быть позорно освистанным? И от того, как я проживу эту жизнь, будет ли зависеть благой рост моей души?

А умирать всё равно не хочется. Даже бомжи, человеческие отбросы цивилизации, цепляются за свою никчемную жизнь.

Богачи множат свои капиталы, зная, что ничего не заберут на тот свет.

И все задают в разное время и с разной частотой вопрос: есть ли он, Тот Свет?

С утра Демьян Евсеевич с супругой Светланой Андроновной уехали на тарантасе по делам в город, оставив усадьбу на сына и приказчика Василия Михайловича. Василь Михайлыч человек был не строптивый и спокойный, но исполнительный до хозяйских приказов. Крепостные бабы и девки его не боялись, часто посмеивались над жердяным ростом и внешней сухостью, что сюртук на нём висел, как на пугале. А вот от Ивана Демьяныча все шарахались: бестолковый он был хозяин и бабник, каких свет не видывал. Учился он где-то в Петербурге, а на летнюю вакацию домой приезжал, чтоб нагуляться вдоволь. И не было у женщин всех, кому до сорока, покоя от тридцатилетнего кобеля... Да и тридцать-то стукнет только через две недели! А уж любил он хватать да потискать за груди чужих жён, заставляя мужиков стискивать зубы да инвентарь в руках, и злобу свою на барина держать в себе, не выпускать пар.

И нынче, стоило Валюше появиться у белоснежного господского дома о двух колоннах, как подкрался он сзади и обнял крепко и больно, шепча глумливо на ухо ей:

– Когда любиться будем? Ах, хороша ты как! Как сладка!

– Оставьте, барич, что вы в самом деле! Некогда мне, барыня работы надавала к вашим же именинам уйму! – вырывалась Валя.

– Да что маменька! Я её уговорю, не тронет. Разве не мил я тебе? – домогался Иван Демьяныч.

Отринувшись от пут барских, Валя молвила крепко:

– Не милы, барич. Жених у меня есть! – И прикусила губу, поняв, что сболтнула лишнего не ко времени.

– Жених, говоришь? Кто таков?! – нахмурился Иван Демьяныч и, расправляя шелковый платок (что было признаком его крайнего недовольства), прикрикнул: – Говори!

Валюша стушеввалась вся, растерялась и молчала. Иван Демьяныч схватил её за локотки и сжал пальцы так, что колени у девушки обессилились от резкой боли.

– Кузьма... кузнец наш... – молвила она.

– Кузнец, значит, – барин оттолкнул девушку. – Иди, работай.

Второй раз Валюше говорить не надо, она опрометью бросилась в дом, подальше от глаз хозяйских. Да и от работы стычка эта её не освобождала.

С великим нетерпением Валентин дождался выходных. Этот уик-энд особенный. Москва отмечает День города. Центр, особенно Кремль, как всегда оцеплен силовиками, и пробиться туда нереально. В парке Горького делать нечего. Потому отправился Валентин на Поклонную гору. Там концерт, и нет такого зубодробительного милицейского кордона. Здесь ряды ментов состояли из молокососов-призывников, которых при желании можно и соплей перешибить. И какой всё-таки наивной кажется эта тонкая цепочка охраны! Да задумай толпа ринуться к сцене, где Лолита в песне своей посылает кого-то на небо за звёздочкой, этих неоперившихся юнцов затопчут, как ненавистных колорадских жуков.

Валентину посчастливилось занять место на скамье и, держась за монумент, поставленный в честь одного из фронтов ВОВ, стоять-баланси́ровать на спинке скамьи и видеть сцену с маленькими человечками – звездами российского шоу-бизнеса. Халявные уличные концерты всегда поражали Валентина народной выносливостью; он сам мог простоять в таком положении три-четыре часа кряду и не чувствовать изнурённости. Единственное обстоятельство, заставляющее людей уходить неожиданно, – надобности физиологии. Валентин больше смотрел не на сцену, а на толпу: столько в ней энергии и силы, глупо растрачивающейся вот на такие

сборища...

Но время поджимало. Валентин спрыгнул со скамьи и, лавируя меж людей, поспешил к метро. Нужно вернуться домой, чтобы достойно подготовиться к встрече с директором. На его радость убийца матерей был хроническим холостяком. Валентин пробил по компьютерной базе данных МГТС номер его телефона. Оставалось поднять трубку.

– Станислав Семёнович? Здравствуй... те... – проворковал Валентин бархатным женским голоском.

Из дневника:

*Кружась юлой
Меж небом и землёй,
Ты не увидишь Бога,
Ты Бога не заметишь.*

БОЖИЙ СТРАХ.

*Когда разверзнется зев Вселенной
Над грешным шариком Земли,
Тогда поймёшь и ты, наверно,
Что не святые были мы.*

МИЛОСТЫНЯ.

*В тёмную ночь, в тихую рань,
В неважно какую погоду
Ходил он по свету, выклянчивал дань,
Угодную только лишь Богу.*

* * *

*Спокойная и сладкая жизнь ублютков
Приводит к диффузной туманности Мира,*

*И все междометья сконфуженных суток
Похожи на сжиженность теле – эфира.*

А Иван Демьяныч призадумался сначала, листая в комнате своей томик Лермонтова с таким популярным в Петербурге «Маскарадом». Стихотворная драма его не привлекала, стихи он вообще не любил, считая их пустой тратой слов и бумаги, зато перелистывание книг подчас давало неплохой результат. И теперь, размышляя, Иван Демьяныч наткнулся на любопытнейшие строчки:

Но обольсти её, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

И далее:

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину...

Иван Демьяныч занервничал, книгу отложил и подошёл к окну. Машинально пригладил бакенбарды, наблюдая за суетой во дворе.

– А как же не любить? – сказал и не заметил, что, может быть, впервые в жизни попал в рифму.

Ещё никто не пресекал его безудержного нрава. Он в Петербурге слыл искусным ухажером, а тут девка крепостная

дала поворот от ворот прилюдно, можно сказать. С норовом, а хороша! Во что бы то ни стало Ивану Демьянычу захотелось ею овладеть. Он снова схватил книгу, желая прочитать, что дальше там.

... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть;
Ты окружил её забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал всё из страсти
И самолюбия, отчасти, —
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты всё,
А не для счастья её.
Да, – пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

– Да, в мире всё условно, – Иван Демьяныч скривил лицо в нехорошей улыбке. Он так решил для себя: девчонка, конечно, не достойна тех жертв, что перечислил некто Казарин, но всё же предложить такое стоит. Какая девка откажется от стольких барских милостей? Это ж душой надо быть! А когда она ему отдастся, то про слова свои можно и забыть. Настаивать она не будет – духу не хватит... *«Но если духу хватит не податься моей лести?»* Молодой барин грохнул кулаком об стол.

– Силой возьму!

Из подъезда выпорхнула очаровательная девушка и села в ожидающее её такси.

Такси на приличной скорости пронеслось по МКАД и вырулило на Каширское шоссе. У дома номер двадцать один по улице Маршала Захарова остановилось. Очаровательная девушка расплатилась с таксистом и вышла из машины. Огляделась вокруг и пофланировала к нужному подъезду.

Набрала номер квартиры на домофоне и нажала «В». Через пару мгновений в динамике раздался мужской голос:

– Кто там?

– Это я, – мягко ответила девушка.

– Прошу вас, входите! – ответил голос.

Домофон запиликал; девушка вошла в подъезд. Поднялась на лифте на предпоследний этаж. Она ожидала, что хозяин встретит её у дверей лифта, но обманулась – мужчина даже не открыл дверь в квартиру. Девушка усмехнулась такой осторожностью и нажала на звонок, зная, что он за ней наблюдает в глазок.

Станислав Семёнович открыл дверь. Несколько секунд они изучали друг друга. Девушка по его внешнему виду определила, что тот основательно подготовился к встрече. Один запах духов «Блэк код» чего стоил!

– Мне можно войти? – поинтересовалась девушка и улыб-

нулась своей самой обезоруживающей улыбкой.

– О-о, конечно! – Мужчина поспешил распахнуть дверь шире. Он впервые видел эту красотку, но успел когда-то заочно произвести на неё впечатление. Ему хотелось выяснить – где и когда... только не сейчас! По телефону девица прямым текстом сказала, что хочет его. Сперва такое предложение вызвало в директоре химического завода любопытство: интересно было увидеть даму. Теперь, увидев, в нём разыгрался кобель. Но вместо того, чтобы валить сучку прямо на пороге, он пригласил её в зал. Она же сама пришла, так зачем торопиться? «Кобель не вскочит, пока сучка не захочет», – гласит поговорка.

– Мне кажется, в спальне нам будет удобнее, – снимая туфли, сказала девушка.

Станислав Семёнович такого откровения в лицо ещё не слышал, глаза его загорелись, он невольно потёр рукой пах. Девушка рассмеялась, немного грубо. *«Наверное, курит»*, – мимоходом подумал мужик. А она не унималась:

– Веди же меня, кавалер! – и подтолкнула хозяина в нужную сторону.

Они вошли в спальню. Девушка легла на кровать, раскидав по ней длинную юбку. Директор хотел лечь рядом, но она остановила его.

– Я хочу, чтобы ты разделся... медленно. Меня это заводит.

– Может, музыку...

– Не надо.

Станислав Семёнович, директор-убийца, под какой-то внутренний такт начал пританцовывать, расстёгивая накрахмаленную сорочку.

Когда он снял трусы, девушка подошла к нему вплотную, ухватила за член и поцеловала в губы в засос. Развернула к кровати, чуть оттолкнула от себя и вонзила в печень длинное перо выкидного ножа. Станислав Семёнович посерел от болевого шока, хлопая вылезшими из орбит глазами, полными уже не похоти и вожделения, а страха и недоумения.

Валентин оттолкнул истинного убийцу матери. И сказал *мужским* голосом:

– Ты убил мою мать... и многих женщин...

– К-кто ты?!! Безумец... Я никого не убивал!

– Они травятся на твоём заводе, а ты богатеешь за счёт их жизнью. Твоя жизнь... сегодня я её заберу.

– Постой!..

Но Валентин не устоял, отточенным движением он положил по директорской шее своим любимым ножом. Ушёл в прихожую, достал из сумочки пакетик фасованного матерью «Богомола», вернулся в спальню, высыпал отраву на мёртвое лицо врага. И упал в обморок.

Из дневника:

Рассматривая рисунки в книге по детской психологии, пришёл к выводу, что нормальных детей, судя по книжке, у нас нет. Что ни картинка, так вербальная агрессия, отказ от общения, конфликтность, шизоидная акцентуация да психические заболевания. А действительно под хорошими рисунками, изображающими юношу и девушку, стоит чуть ли не диагноз: избегание сексуальной проблематики, или же: высокая значимость сексуальной сферы. А может у ребёнка просто талант к рисованию, а?

День закончился поздно: работы было непочатый край, больше мелочной, но так убивающей время. Валентина не встретила за день больше молодого барина и от того сильнее прикусывала губу и заламывала пальцы, чуя недоброе. Под вечер он и вовсе ускакал галопом куда-то.

На дворе стемнело, когда приказчик разрешил уйти домой. И, не глядя на усталость, Валя прытью побежала в деревню. Напрямик, через кладбище. Умирашек девушка не боялась. Чего бояться испутившего пар? Да и не впервой, знакомая тропинка. Однако ж на кладбище никогда не бегала – как ни храбрилась, но немного трусила будить от вечно-го сна покойников.

Шла быстрым шагом меж крестов, озираясь, прислушиваясь. Благо луна не в облаках – и то посветлее. Едва миновав кладбище, Валя услышала какой-то шум среди деревьев, и сердце обмерло у неё. Она кинулась бежать, но чёрная тень пересекла тропинку. Девушка завизжала.

А тень заговорила:

– Валюша, не бойся! Это я, барич твой Иван Демьяныч... Куда ж ты!

– Ох, леший! – схватилась за голову Валя и побежала обратно к крестам, под защиту святой земли.

Молодой барин поймал строптивную девку за руку.

– Да стой ты! Прости, что напугал... не хотел... Валечка, ты покой мой забрала, сама не ведая...

– Барич? Да чего вы... Пустите!

– Не пущу! Не пущу, пока не выслушаешь. Я ведь, дуреха ты, всем сердцем, с душой. Понимаешь? Мила ты мне...

– А вы не милы... Жених у меня есть. Кузьма есть.

– Да что ты сказать не дашь! Что заладила! Зачем тебе кузнец? Что даст он тебе? Ты так красива, ты достойна княжеского титула, а не кузни! Будь моей! Невестой будь! – И барин схватил девушку в охапку.

– Не бывать... этому... – Валя задыхалась в тесных барских объятиях, но продолжала сопротивляться.

– Всё равно ты будешь моей. Тут! – Иван Демьяныч задыхался тяжело. Одной рукой удерживал девушку, другой стал задира́ть юбки.

Валя открыла рот, чтобы закричать, позвать на помощь или людей, или покойников, уже без разницы, всё лучше, чем быть осрамленной после барской чески, не для прихоти хозяйской берегла себя, не простит её Кузьма за блуд, хоть и не по своей воле, а под осильем. А если простит, то барина убьёт... Но успела лишь взвизгнуть коротко. Иван Демьяныч пресёк крик, сжав непокорной горло и подножкой повалив наземь прямо у чьей-то оградки. Валя пуше задохнулась и в роздыхе обмякла, закатив глаза в небо, моля Бога избавить её от кошмара и проклиная осильника своего.

И Бог услышал молитву невинной, когда барин, прижав

весом своим Валюшу, едва не надругался, но в самый момент услышал окрик.

– ВАЛЯ!!!

Иван Демьяныч проворно вскочил на ноги, узнав голос кузнеца.

Кузьма забеспокоился под вечер, а как стемнело, решил встретить любимую. В тишине деревенской далеко раздался девичий визг. Спокойно идущий Кузьма встрепенулся, сердце молодецкое подсказало, что крик Валюшин, и побежал к кладбищу, что было мочи. А прибежав, позвал по имени, чтобы не тревожить покойный сон умерших безыменным окриком... И увидел фигуру в лунном свете над могилой, среди крестов. Перекрестился и храбро шагнул навстречу. Даже будь нечисть какая, защитит он свою невесту! Вот только где ж она? Кузьма подошёл ближе... и признал в чёрной фигуре молодого барина Ивана Демьяныча, встал, опешив. Барин весь растрепанный, смотрел сычом на деревенского силача.

Тут Валя поднялась с земли и, запахивая разорванную рубаху, всхлипывая и хрипя, подбежала к спасителю Кузьме. Кузьма, увидев такое, сразу понял всё и пошёл медведем на барина.

– Ах ты погань...

– Стой, деревенщина! – приказал барин.

Но не тон остановил кузнеца – пистолет с «пушечным» стволом, направленный в грудь. Встал, набывчившись, Кузь-

ма, решаясь дальше на оружие идти, а Валя бросилась в ноги его, умоляя не доводить до греха.

– Послушай девку свою, кузнец. Поди прочь! – сказал Иван Демьяныч, сам отступая к деревьям. Он не был зол, он был в ярости, и сделай проклятый кузнец ещё шаг, пристрелил бы, как собаку...

«А может, впрямь пристрелить, а девку рядом обеспечить?» — промелькнула секундная мысль. Иван Демьяныч посмотрел на Валу, но та была похожа на побитую овцу и желания теперь не вызывала. Он разберётся с ней потом... Он со всеми с ними разберётся! Иван Демьяныч свистнул по-особому. В кустах, среди деревьев, всхрапнула лошадь, и в лунный свет вышел грациозный гнедой. Молодой барин вскочил на коня, продолжая держать на мушке кузнеца, гикнул и поскакал в усадьбу.

Когда опасность миновала, Кузьма встал на колени и обнял девушку.

По лицу девушки было видно, что она чем-то очень довольна. Редкие прохожие оглядывались, то ли желая угадать причину улыбки, то ли банально пожирая округлости аппетитной дамочки. Теплый ночной ветерок играл её волосами и раздувал широкую юбку.

Валентин всегда играл роль до конца. Он не признавал слова «фетиш», но в женском белье и парике чувствовал себя куда увереннее, чем в мужском одеянии. Ему доставляло удовольствие созерцать себя, как девушку, в зеркале. «Я это ты, а ты это я. И никого не надо нам!» Да, можно сказать, Валентин был влюблен в свой образ, но в свои восемнадцать лет воспринимал женскую красоту как нечто абстрактное... например, как портрет. Он видел красоту, мог восхищаться ею, но почувствовать к красивой девушке половое влечение или влюбленность не мог. Только свой образ вызывал у него бурю фантазий, но и они были скорее платонического свойства, чем эротического. Он знал понятие «любовь», но испытывал её лишь сыновью, и то до смерти матери, а вот полюбить девушку... Наверное, всё-таки смог бы, если бы не чувствовал к женскому полу родство, которое внушала ему по ночам в снах-образах крестьянка. Часто во снах. Но, бывало, понимание пробивало энергетическим разрядом, не давая расслабиться, а тем более забыть предначертание свое-

го истинного естества. Валентин родился мужчиной (*и это* аномалия: никогда в прежних жизнях он не был мужчиной – истина), чтобы отомстить за прошлое. Но если при рождении прошлое дало знание о вендетте, то теперь, после обморока в квартире директора, знание получило вектор – отныне Валентин *знал*, кому мстить. Кокретно.

Вернувшись домой, он не спешил переодеться. Единственно, снял любимый нож, висевший в кожаных ножнах на ремешке, туго обтягивающем ляжку. Ремешок успел натереть, и Валентин, сев у аквариума, принялся смазывать покраснение кремом.

Потом он покормил своих золотых монстров.

И уснул в кресле.

Из дневника:

Давно хотел выяснить, что такое любовь.

Любовь сильна, как молния, но без грома проникает, и самые сильные её удары приятны. (М. Ломоносов).

Крепка, как смерть, любовь... (Библия, Песн, 8,6).

Мы знаем, что любовь сильна, как смерть; зато хрупка, как стекло. (Ги де Мопассан).

Любовь ранит даже богов. (Петроний).

Рай без любви называется адом. (А. Глызин).

Любовь – самая сильная из всех страстей, потому что она одновременно завладевает головою, сердцем и телом. (Вольтер).

Любовь – это состояние души, когда ради любимого человека жертвуешь друзьями, собой и собственным чувством. Способность найти в себе силы, чтобы отпустить любимого, если нет ответного чувства. (Моя Мать).

Любовь – это жажда неизвестного, доведенная до безумия. (О. Петье).

В одном часе любви – целая жизнь. (О. де Бальзак).

Любовь понять в одно мгновение лишь добрым людям суждено. (Д. Шулепов).

Любовь – нежное растение и не живёт долго, если его оро-

шают слезами. (Дж. Ф. Купер).

Любовь одна – веселье жизни хладной,

Любовь одна – мучение сердец:

Она дарит один лишь миг отрадный,

А горестям не виден и конец. (А. Пушкин).

Любить! – жалкая привычка сердца. (Жорж Санд).

Всякая любовь истинна и прекрасна по-своему, лишь бы только она была в сердце, а не в голове. (В. Белинский).

Когда двое влюбленных без стеснения пердят друг перед другом – это уже любовь. (Мой Отец).

Любовь – высокое слово, гармония создания требует её, без неё нет жизни и быть не может. (А. Герцен).

Любовь – благо, быть любимым – счастье. (Л. Толстой).

Любовь – единственный священник. (Р. Ингерсолл).

Мастурбация – это секс с человеком, которого любишь. (Вуди Аллен).

Нельзя любить то, чего не знаешь! (Ф. Достоевский).

Любовь понимает только тот, кто её испытал. (Ф. Кабальеро).

Оба «Ф» верны... наверное, верны. Что такое любовь? Я не понял... не знаю, не познавал, но вот с Есениным согласен: «О любви в словах не говорят».

И ещё вот: Влюбленный мужчина представляет из себя жалкое зрелище. (А. Кристи). Права старая женщина, по моему, права, стерва!

P.S. Дано нам быть в любви и смерти одинокими. (Чьи слова?)

Чтобы избежать кривотолков (а в деревне есть злые языки-завистники, готовые переиначить правду в кривду), влюбленные решили утаить от всех происшедшее с ними, посчитав, что правильнее будет дожидаться окончания праздника, уготовленного молодому барину, их теперешнему заклятому врагу.

Кузьма заставил Валю взять заточенный под шило гвоздь и носить с собой всегда.

– Завтра Демьян Евсеевич со Светланой Андроновной вернутся, *он* не посмеет тронуть, – сказала Валя на прощание Кузьме, сама не зная, себя успокаивает или его остужает.

– Будет худо – беги к барыне! Поможет... может.

– Конечно, милый мой Кузьма, конечно!

Сегодня Валентин, позвонив с утра на объект и соврав, что дома прорвало трубу отопления, на работу не пошёл. Зачем тратить драгоценное время на работу, за которую задерживают зарплату на два с половиной месяца? А будешь бузить, то срежут энную сумму из того мизера, что получаешь на расчётный квиток. Не говоря уж о забастовках, если скажешь «баста!» – выгонят на «мёртвый» объект, где заработаешь столько же, сколько задрипанный курьер, и весь сказ...

Валентин не спеша позавтракал, не покормил рыб, включил компьютер и влез в базу данных МГТС, покопался в ней, выключил комп. Включил телевизор, по которому шёл премьерный показ очередного российского коммерческого телесериала. Валентина заинтриговало название: «Деревенская легенда». Он стоически досмотрел первую серию и выключил.

Время к обеду. После обеда нужно сходить в банк и закрыть счёт: держать деньги в этом банке стало подозрительно. Валентин сунул подмышку книжицу «Пятая гора» Пауло Коэльо и вышел из дома.

В отделении банка тихо: специалисты ОПЕРО ещё не вышли в зал после обеда. Валентин сел на стул и открыл книжицу. *«Бог есть Бог, – ответил левит. – Читал Валентин. – Не сказал Он Моисею, благ Он или не благ; сказал лишь: «Я*

есль». Значит, ОН есть всё, что существует под Солнцем – и молния, разрушающая дом, и рука человека, строящего его заново». Валентин несколько раз перечитал абзац. Потом строчки расплылись в пахотные борозды – задумался. Внутренний взор видел невообразимые завихрения мыслей, словно мозг пытался перед раскрытыми глазами молодого человека нагромоздить на книжном развороте геометрически неправильные фигуры.

После окрика мысленные фигуры в мгновение вытянулись обратно в ровные струны строк; Валентину даже показалось, что каждая издала немелодичный звук.

– А? Что? – встrepенулся он.

– Вы крайний в физ. зал? – повторила вопрос женщина.

– Нет, – внезапно для себя ответил Валентин, захлопнул книжицу и покинул банковское отделение.

Женщина загнула бровь, хмыкнула и села на его место.

Валентин вылетел на свежий воздух и побежал к метро. Ему не нужен банк и деньги, ему не нужна тупая работа строителя, ему не нужны золотые рыбки, ему не нужна любовь, ему не нужны больше бессмысленные смерти, ему не нужно ничего, кроме своей судьбы!

Из дневника:

Что уж говорить о совершенстве наших законов, если в брошюре одного серьёзного банка, где официально излагается Федеральный закон «О страховании вкладов...», делаются поразительные ошибки, как вот эта: «Вкладчики имеют право получать от банка... информацию об участии банка в системе страхования вкладов...»! Так и думается, что банк, опираясь на свои опечатки, в законном порядке трахнет тебя, выбросит и напоследок посмеётся: о, какой недотепа!

Иван Демьяныч нашёл свою мать под сенью летней беседки, обмахивающуюся веером.

– Маменька, – позвал он.

– Ах, это ты, – отозвалась Светлана Андроновна и протянула сыну руку. – Я так устала с дороги. Меня чуть не убила эта чудовищная жара!

Свежий ветерок донёс до беседки ароматный запах варения; молодой барин находил день прекрасным и ничуть не жарким, но спорить о погоде не стал. Есть дела поважнее.

– Маменька, – начал Иван Демьяныч, – вчера ночью меня пытались убить.

– Боже мой, что такое ты говоришь, сын?! – подскочила Светлана Андроновна, на миг даже забыв про веер. Потом спохватилась и быстро-быстро замахала. – Цел ли ты, дорогой?.. Матерь Божья, что я говорю!.. Мне нужны мои капли. – Она затрезвонила в серебряный колокольчик.

– Прекратите, мама! – повысил голос Иван Демьяныч. Он сделал ударение в слове «мама» на последнюю гласную, как любила Светлана Андроновна, на французский манер. – Я бы не был так спокоен, если бы угрожала опасность.

– Так зачем же ты меня так пугаешь, – посетовала барыня на сына.

– А затем...

Иван Демьяныч умолк, увидев прислугу.

– Звали, барыня? – спросил холоп.

– Нет-нет! Иди, – сказала она, не удостоив крепостного взглядом. Спросила сына:

– Так что ты говорил?

Иван Демьяныч удостоверился, что холоп удалился, только затем принялся за свою историю.

– Вчера ночью, когда я провожал одну девку...

– Крепостную?!

– Да, маменька. Она просила меня...

– Я её знаю?

– Возможно. Она дочь главы их общины. Валя.

– Да-да, знаю! Сноровистая девчонка, но выпороть не мешает.

– Обычно она с подружкой своей ходит, но та раньше ушла, не дождавшись. А через кладбище ночью страшно, вот я и уговорился доброе дело сделать...

– У-у ты мой славенький! – Светлана Андроновна, расчувствовавшись, нежно погладила сына по небритой щеке.

Молодой человек стерпел и мастерски скрыл брезгливость улыбкой.

– А у Вали этой, оказывается, жених есть...

– Да ты что! – до крайности удивилась барыня. – И почему я всё узнаю последней?

– Я тоже узнал, когда встретился с ним.

– И кто же молодчик?

– Кузнец. Кузьмой звать.

– Ага!

– Так вот тот самый кузнец шёл девку свою встречать: припозднилась, мол. А как увидал нас с ней у кладбища, взбеленился и пошёл на меня с ножом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.